

9-60

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

На правах рукописи

ЯНКОВСКАЯ
Нинель Болеславовна

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ
(по клинописным текстам Каниша и Аррапхи)
ПРОБЛЕМА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ОБЩИН

специальность № 07.00.03—«Всеобщая история»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ленинград
1982

Диссертация выполнена в отделе Востока Государственного Эрмитажа.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук М. А. Дандамаев

доктор исторических наук Г. Х. Саркисян

доктор исторических наук, профессор Ю. В. Андреев

Ведущая организация—Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР.

Защита диссертации состоится „29“ октября 198 2 г.
в 19 часов на заседании специализированного Совета по историческим наукам Д. 003.01.06 Ленинградского отделения института востоковедения АН СССР по адресу: Ленинград, Дворцовая наб. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградского отделения института востоковедения АН СССР (Ленинград, Дворцовая наб. 18)

Автореферат разослан „____“ _____ 198 ____ г.

Ученый секретарь специализированного Совета, кандидат исторических наук С. А. Школяр.

Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР, 1982 г.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Вопрос взаимодействия технологической и классовой стратификации древнего общества почти совершенно не изучен. Между тем, это существенный момент механизма образования и развития классов и государства — одной из главных проблем марксистской исторической науки. В последнее время она приобрела особое значение в связи с необходимостью систематизации громадного этнографического материала, собранного в развивающихся странах Азии и Африки. Обработка новых данных затруднена многоукладностью экономики этих стран, смещением хода общественных процессов под влиянием развитых цивилизаций.

Для работы использованы материалы по истории периферийных обществ древней Передней Азии эпохи бронзы. Письменные источники древности дают картину, свободную от наслоений позднейших формаций. Это значительно облегчает разработку проблем типологии архаичных общественных структур. Этими моментами и определяется научная актуальность предмета исследования и его практическое значение.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в раскрытии узловых моментов стратификации общества при наличии двухсекторной экономики: централизованного (дворцово-храмового) и децентрализованного (общинного) секторов. В этой связи в диссертации:

- рассматривается обособление функции управления экономикой через рынок в период разобщенности городов-государств;
- отмечается интеграция общин через рынок в период консолидации городов-государств;
- раскрывается значение главного элемента децентрализованного сектора экономики — домашней общины, обеспечивающей стабильность системы;
- наблюдается функционирование системы в критической ситуации и в ходе стабилизации кредита.

Новизна работы:

- предлагаемый аспект исследования клинописных источников в науке не освещался;
- прослежены и объяснены моменты возникновения и исчезнове-

ния древней архивной документации;

- даны отправные пункты для датировок текстов;
- сопоставлено влияние на общественный обмен как политической разобщенности, так и консолидации;
- описана организация домашней общины;
- освещен порядок государственных поборов с общин;
- определен и рассмотрен институт патроната знати над специализированными общинами;
- дан полный перевод текстов, иллюстрирующих основные положения работы.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях специалистов, семинарах, всесоюзных конференциях и международных конгрессах и получили положительные отзывы.

Научно-практическое значение. Диссертационная работа имеет прямое отношение к практике преподавания истории древнего Востока и может быть использована в учебно-педагогическом процессе.

Методологической основой диссертации послужили труды классиков марксизма-ленинизма. В процессе исследования автор опирался на достигнутый в советской и зарубежной специальной литературе уровень теоретической разработки указанной проблемы.

Материал исследования. В работе непосредственно использовано более 800 клинописных документов XVIII-XIV вв. до н.э., изданных без транскрипции и перевода, в прорисовках; и более 200 подлинных клинописных актов, хранящихся в музеях СССР; исследования советских и зарубежных ученых, публиковавших и обрабатывавших клинописные архивы.

Структура работы. Поставленная автором цель исследования и характер обработки материала источников предопределили построение диссертационной работы. Она состоит из вводной главы, доказывающей правомочность постановки самой темы; двух глав, отмечающих основные вехи развития политической истории и важнейшие моменты хронологической и поархивной организации материала; двух глав, раскрывающих статику и динамику развития общинного строя; заключения и приложения.

II. СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Глава первая - "Введение в проблематику" - посвящена системе обращения продукции ремесел в частной торговле и состоит из пяти разделов (I-5).

I. До недавнего времени история Древнего Востока рассматривалась почти исключительно как история "речных" цивилизаций, основанных на искусственном орошении (Египет и Вавилония). После работ Н.И.Вавилова, посвященных доказательством того, что центров селекции злаков было много, и все они рассеяны в горных, т.е. изолированных районах, поиски новых истоков древних земледельческих цивилизаций в горах стали лейтмотивом палеоботанических и археологических исследований. В результате открытий на западной и восточной горской и предгорной окраинах "плодородного полумесяца" Западной Азии история земледелия, ремесел и торговли значительно удревнилась (X-VI тыс. до н.э.). Тем не менее, по инерции возникновения профессиональных ремесел и торговли приписывается по-прежнему моменту образования крупных государственных объединений с их дворцово-храмовыми хозяйствами (III тыс. до н.э.). Причина такого ограничения, как нам кажется, кроется в том, что дворцы и храмы, как правило, имеют самую раннюю документацию, и поэтому письменная история действительно начинается с них.

Данные относительно направлений важнейших торговых дорог Передней Азии и сети торговых общин, существовавших стационарно на этих дорогах, анализируются по двум направлениям международного обмена: вдоль предгорий Загра и вдоль предгорий Тавра. Через перевалы Загра дороги уходили на восток на Иранское нагорье и далее в Афганистан, а также на север в Закавказье; вдоль таврских предгорий шла дорога на запад в Малую Азию и Сирию и далее на острова Средиземного моря.

Важнейшие перевалочные пункты устраивались, как правило, в районах со стабильным режимом и слабым контролем государства. Усиление контроля над торговлей приводило к перемещению торговых баз.

2. Извлечения из клинописных архивов XV-XIII вв. до н.э., происходящих из торгового пригорода Каниша (Коль-тепе), раскрывают организацию профессиональных торговцев, характерную для

архаичных городов-государств.

Центральная торговая контора Каниша (бйт к̄арим) контролировала значительный торговый оборот северной Сирии, Малой Азии и северной Месопотамии, благодаря тому, что торговля велась большей частью в кредит, и встречные платежи погашались через эту контору. Карум Каниша была автономной самоуправляющейся организацией с народным собранием "от мала до велика", которое было высшим судебным органом. Во главе карума стоял совет, число членов которого было лимитировано. По наблюдению автора он насчитывал около 50 человек. Из числа последних поочередно сменялась шестерка комитета недельного дежурства (каждый следил за текущими делами конторы в течение дня). Во главе совета стоял эпоним-казначей, сменявшийся ежегодно.

Предложенное автором толкование канишской организации как международного торгового объединения расходится с принятым в науке. Наиболее популярным остается определение карум Каниша как ашшурской торговой колонии. Предполагалось, что под "Городом" без упоминания названия всегда подразумевался только Ашшур, т.е. метрополия колоний (Б.Ландсбергер) или столица империи (Ю.Левин).

Систематические раскопки Кюль-тепе показали, что торговые архивы происходят из пригорода, расположенного поодаль от главного холма, представлявшего собственно центр независимого от Ашшура города-государства Каниш. Тем не менее, архивы цитадели, хотя и скудные, но дали документы, писанные тем же ашшурским письмом и на том же ашшурском диалекте, использовавшемся правителями и администрацией Каниша для собственных юридических и хозяйственных документов. Этнический состав местных властей, а также населения южной окраины торгового пригорода был вовсе не ашшурским; центр поселка был смешанным; преимущественно ашшурской была лишь северная окраина поселка, где и велись случайные раскопки до систематического обследования городища в целом.

Собранные и систематизированные автором сведения об организации совета торговой общины Каниша показывают, что в его состав входили и местные торговцы, исполнявшие в свой черед службу недельного дежурства по конторе и обязанности годовых эпонимов-казначеев.

Автор предлагает различать собственно торговую общину Каниша, представленную в документах анонимными должностными лицами, тамкару, и образованное при ней объединение частных торговых обществ, преимущественно состоявших из пришлых торговцев, наплыв которых и сделал организацию международной.

На восточном конце пути вдоль предгорий Тавра и при выходе торговцев загорских предгорий на эту дорогу важную роль играл Ашшур, но на западном конце главным торговым центром был Каниш, через который координировалась торговля более двух десятков посреднических общин, к̄арū и ваб̄р̄ату (палаточные лагеря). Каждая из них была связана с городом-государством, на территории которого она подвизалась.

Критика построений автора в книге М.Т.Ларсена "The Old Assyrian City-State and its Colonies" (Copenhagen, 1976) снова сводит торговую сеть, охватывавшую Сирию, Малую Азию и Двуречье к однолинейной связи Каниш-Ашшур, хотя и раскрывает эту связь наиболее обстоятельно. Отвечая на полемические аргументы, автор подчеркивает, что в торговле Каниша участвовало, помимо Ашшура, более 120 городов, между прочим Эбла (Телль Мардих в Северной Сирии), связанная издавна и с Ашшуром. Характерно, что в результате сенсационных находок в Эбле архивов на неизученном пока диалекте семитского языка, возникло, как и при начальном изучении Каниша, предположение о том, что этот город был центром империи. Опубликованный материал скорее говорит о союзе городов.

3. Кредиторами торговцев, кроме частных лиц, были сборщики ремесленной продукции (уммеану) и государственные торговые агенты (тамкару). Участие последнего в крупнейшем кассовом союзе не превышало и десятой доли вкладов, тем не менее, местные власти имели право на треть прибыли (vier Urk.3). По временам устраивалась проверка всех складов на предмет обнаружения незарегистрированных товаров. В принципе все были обязаны платить рыночную пошлину дворцам малоазийских государств и депозитный взнос в торговую контору.

Важнейшее значение имела торговля тканями и металлами. Серебро и золото играли роль денег: средства платежа и масштаба цен. Медную и серебряную руду обогащали в Канише. Медь получали,

видимо, из разработок в Эргани Маден (северная Месопотамия), серебро из рудников Малой Азии. Торговали малоазийскими бронзовыми изделиями и керамикой местного изготовления. Главной статьёй контрабандного вывоза из Малой Азии было железо, ценившееся в сорок раз выше золота. Ашшурские власти запрещали своим торговцам закупать в Малой Азии ткани, конкурировавшие с месопотамскими-основной статьёй торгового импорта в Каниш.

По данным шумеро-аккадского фольклора профессиональная торговля - явление отрицательное. Расширение торгово-ремесленной специализации, стимулированное развитием торговли, несомненно, нарушало равновесие в хозяйстве стран - участниц международного обмена. Усиление товарного оборота, каким бы незначительным с нашей точки зрения он ни был, требует все больше денег в качестве средств платежа, если кредит ненадежен. Это неизменно ставит рынок в зависимость от ростовщика. Существенно, что иноземные торговцы не имели права на ссуды под залог личности и недвижимости - это была привилегия местных торговцев.

4. Ареал торговли г. Ашшура (в узком смысле слова) охватывал полностью территорию за Тигром и часть южного Двуречья. Правители Ашшура контролировали пути на восток; торговля в западном направлении, на Малую Азию, функционировала вне их контроля и поддержки (за исключением переправы через Тигр в районе Фатхи). Переписка ашшурцев, связанных с торговой общиной Каниша, свидетельствует, что их семьи занимались ткачеством, приобретая шерсть, зерно и рабов через рынок. Свою продукцию эти семьи сбывали на рынках северной Сирии и Малой Азии, добавляя к ней дефицитное олово, приобретенное из внешней торговли своего местного рынка. Это их ремесленное хозяйство - по всем данным товарное, существовало за счет доли в прибыли из посреднической торговли медью, бронзовыми и керамическими изделиями, которые приобретались и сбывались вне своего рынка, на территории Сирии и Малой Азии (см. тексты приложения). Таким образом, здесь наблюдается органическая связь между торговой и ремесленной специализацией.

5. Подводя итог материалам первой главы, автор приходит к выводу, что поиски внешнего рынка были результатом проблематичности обеспечения денежных платежей на своем рынке. Относитель-

ный избыток товаров, превышающий платежеспособность населения, приводит к росту кабального кредита и прекращению платежей в казну. Именно этот момент, по мнению автора, и был причиной объявления мораториев долгов. В Ашшуре эти акции правителей известны в двух формах, чрезвычайно показательных. Первый мораторий долгов был объявлен Илушумой (ок. 1945 г. до н.э.) и распространялся на торгующих по всему ареалу, доступному для Ашшура, освобождая их от личной зависимости по долгам. Мораторий Эришумы I (1940-1901 гг. до н.э.) касается уже освобождения не от кабалы, а от ареста денег и важнейших статей внутренней торговли. Развитие рынка, моменты и формы его переполнения, представляются очевидным объяснением того, почему торговцы Ашшура и его ремесленники устремились в Каниш: деньги, зерно и шерсть, еда и фураж стали для внутреннего рынка проблемой. Следствием относительного переполнения и этого нового рынка является обнаруженное К. Балканом свидетельство о ликвидации долгов, объявленной правителем Каниша. Появляющиеся в сделках канишских граждан договоры кабального характера также свидетельствуют об исчерпании возможностей внутреннего рынка.

II. Глава вторая состоит из четырех разделов (6-9) и дает основные вехи политической истории Западной Азии XIII-XIV вв. до н.э.

6. После расцвета Ашшурского города-государства в XIII в. до н.э., в период, следовавший за падением державы III династии Ура (2112?-2003 гг. до н.э.), войдя в состав военной державы ШамшиАдада I (1813-1781 гг. до н.э.) Ашшур исчез с политической арены. Ашшурский диалект и почерк были заменены ШамшиАдадом на всей территории державы вавилонскими. Это обстоятельство не позволяет связывать кратковременное возрождение канишской организации в XIII в. до н.э. (слой I⁰) с деятельностью ШамшиАдада. В Канише ашшурский диалект и письмо сохранились. Если бы здешние торговцы были эмиссарами ШамшиАдада, как предполагается всеми ассириологами, разделяющими мнение К. Балкана, то в момент возрождения организации в Канише появился бы вавилонский диалект.

Существенно изменила обстановку реорганизация системы поборов, введенная в державе ШамшиАдада I, образованной на террито-

рии, где прежде действовали важнейшие торговые центры Месопотамии. Деление державы на военные округа, халцу, во главе которых стояли царские чиновники, низвело общинное самоуправление на роль исполнителей царской воли.

Проблема рабочей силы в специализированном хозяйстве дворца в это время, видимо, решалась за счет порабощения военнопленных. В царской переписке, найденной в Мари (средний Тигр), упоминается 4300 человек, приведенных из похода, включая женщин и детей, отправленных в ткацкие мастерские.

История города Мари — одного из главных административных центров державы ШамшиАдада I, обильно документирована, поэтому можно сопоставить возможности города в эпоху централизации и после распада державы ШамшиАдада при возрождении старой системы с преобладанием децентрализованного сектора экономики. Торговые связи Мари в первый период, под властью ШамшиАдада, стремительно сужались, во второй период достигали Крита на западе, Элама на востоке, Хацора на юге.

7. Наступление на Месопотамию с гор востока в XVI-XVII вв. до н.э. хурритов и касситов нарушило торговые связи городов, приведя к значительному отставанию и архаизации общественно-экономического строя наиболее развитых равнинных областей. Архивы Аррапхи освещают период гегемонии хурритов в северной Месопотамии, где они образовали сильное государство Митанни.

8. До сих пор внешние синхронизмы истории Аррапхи устанавливались только для старшего поколения аррапхитов благодаря контактам с царями Митанни — Парратарной и Сауссадаттаром сыном Парсадаттара. Последний был современником пятого фараона XVIII династии Египта (1580-1514 гг. до н.э.), Тутмоса III.

В актах последнего поколения аррапхитов неоднократно упоминается имя Шаттивасы. В разделе впервые приводится аргументация в пользу отождествления его с Шаттивасой сыном Тушратты, царя Митанни. Покойный отец Шаттивасы, митаннийский царь Тушратта, застал на троне Египта Аменхотепа III и правил синхронно Эхнатону, Сменхкаре и Тутанхамону — одному из последних фараонов XVIII династии.

Собранные автором в архивах Аррапхи документы значительно

дополняют и расширяют сведения договора Шаттивасы сына Тушратты с хеттским царем Суппилулиумой I (ок. 1360 г. до н.э.), известные из двух версий, опубликованных Э.Ф.Вайднером.

9. Подытоживая основные моменты очерка политической истории, автор отмечает, что за период, отделяющий канишские архивы от документов Аррапхи, на территории прежде самостоятельных городов-государств северного торгового пути образовались три значительные державы: хеттская, хурритская и касситская. Возникновение их повлияло на всю организацию торговли и ремесел. В противовес новым державам шло объединение городов-государств в союзы с наймом войска извне. Союзы городов, как правило, носили не наступательный, а оборонительный характер. Сохранение в Аррапхе со времен ШамшиАдада I деления на военные округа, видимо, отвечало потребностям консолидации городов страны в период митаннийской и касситской гегемонии.

III. Глава третья — "Общие сведения о государстве Аррапха" — включает три раздела (10-12), первый из которых содержит сведения о формах связи дворцового хозяйства с торгово-ремесленной деятельностью города, синхронной правлению в Двуречье Шаркалишарри (2236-2200 гг. до н.э.). Два других раздела касаются принципов новой систематизации материала архивов, использованной при построении очерка политической истории (раздел 8), и вводят читателя в круг вопросов, ставящихся в последующих главах.

10. В отличие от документации других районов ареала клинописных архивов, в Аррапхе мы имеем материалы систематических раскопок не в центре государства, а на его периферии. Два систематически раскопанных городища этой страны лежат на пути из ее центра (район совр. Керкука) к торговому "окну" в районе Фатхи, где до сих пор функционирует переправа через Тигр. На другом берегу реки находился древний Ашшур (совр. Кал'ат Шеркат), контролировавший один из главных выходов аррапхитов в международную торговлю.

Результаты раскопок Иорган-тепе (15 км к ю.-з. от Керкука), проводившихся в 1925-1931 гг., теперь почти полностью опубликованы, в отличие от неходов, раскопанного всего десятилетие назад Телль аль-Гакхара (45 км. к ю.-з. от Керкука).

В староаккадский период город на холме Иорган-тепе назывался Гасуром и еще не был заселен хурритами. Среди 222 документов этого времени имеется карта поля, отмечающая местоположение поселения Машкан = Дур-Эбла, построенного у впадения канала в большую реку.

В староаккадских актах Гасура, относящихся к последнему этапу существования династии Аккада в Двуречье, XIII-XII вв. до н.э., семь раз упоминается город Ашшур, фигурирующий и в документах этой же эпохи, найденных в сирийской Эбле. Гасурские тексты дают некоторое представление о статьях торговли города и направлении его перевозок: в Ашшур и Аккада (на юг) вывозилось сезамовое масло и сало (Н.Х., 169, 168). Из Аккада в Гасур шел ячмень (Н.Х., 112), который чаще всего измеряется мерой Аккада (225 л), но иногда и гасурской мерой (Н.Х., 38, 99, 140 ср. 116). Ячмень транзитом шел далее в горы к луллубеям (Н.Х., 99), а с гор гнали скот (Н.Х., 176). Гасур покупал рабов за ячмень (Н.Х., 210) и серебро (Н.Х., 211). Последнее свидетельствует об активном торговом балансе города.

Взаимоотношение государственного хозяйства Гасура с общинным сектором экономики раскрывают акты, касающиеся деятельности Бузу, должностного лица саг-суг₅ (акк. сассукку). Поскольку должность саг-суг₅ была связана с учетом земель, то, видимо, упоминаемый в связи с ним сбор шел в казну с повинностных владений: частью недополученных (с медников), частью взятых вперед (с торговцев зерном, салом и скотом - Н.Х., 109, 110). После завоевания города хурритами Гасур был переименован в Нузу и вошел в новое государство - Аррапху (XV-XIV вв. до н.э.).

11. Экскурс, посвященный реконструкции календаря Аррапхи, необходим для систематизации частных и публичных актов. В разделе аргументирован полный пересмотр таблицы месяцев, ранее предложенной С.Гордоном и Э.Лахманом.

12. Тексты Аррапхи, за редчайшим исключением, не имеют прямых датировок. Самими аррапхитами последовательность событий устанавливалась по именам участников дела, изредка по ссылкам на известные всем потрясения рутины (засуха, правление лихоимца, мораторий долгов и т.п.). В науке используются родословные, вос-

становленные по завещаниям, актам раздела имущества, спискам свидетелей сделок. К сожалению, возраст участников дела, как правило, неизвестен и, кроме того, в одних и тех же актах обычно упоминаются представители двух одновременно действовавших поколений, часто трех поколений, а иногда и четырех.

В основе предложенной автором для упорядочения датировок реконструкции родословной хурритских династов Аррапхи лежит перекрестная проверка сведений, частично группирующихся вокруг одного и того же события, частично складывающихся в последовательный ряд. Таблица такой родословной, прослеженной Е.Кассен, в ходе проверки ее опорных пунктов перестроена почти полностью.

IV. Глава четвертая - "Общинный сектор экономики" - содержит 14 разделов (13-26), в которых дан материал, статично характеризующий главные моменты жизни домашней общины как коллектива собственников, и определены взаимоотношения ее с царем и должностными лицами, осуществлявшими межобщинные связи.

13. Как можно видеть по документированным периодам, не превышающим обычно срок жизни трех-четырех поколений, состояние политической централизации для истории стран Западной Азии не было типичным даже и во II тыс. до н.э. Невольное преувеличение роли централизации объясняется тем, что именно эти моменты жизни государств документированы. Сведения, почерпнутые из архивов, абсолютизируются как иллюстрация состояния, характерного искони для стран Западной Азии. Между тем, кое-где документированы и периоды преобладания децентрализованного сектора экономики. Не попадая в схему исторических построений, они, как правило, игнорируются, как, например, архивы Каниша и Аррапхи. В значительной степени этот пробел в исследованиях объясняется недостаточно исследованной ролью общинного строя.

14. История толкования актов Аррапхи, касающихся передачи недвижимости, сводится к вопросу о существовании коллективов собственников - домашних общин, для которых земля представлялась неотделимой от самого их бытия. О наличии таких коллективов свидетельствует форма передач недвижимости, осуществимой лишь в виде усыновления, принятия в братья и других специфических форм введения в общину "продавца" (в дальнейшем, при развитии залога

заменяется временным выделом кредитору недвижимости из общинных владений). Предположение о царском запрете на отчуждение земель не подтверждается текстами, содержащими чаще апелляции в суд сонаследников, реже людей, несущих повинностную службу общины, царские чиновники не фигурируют в деле никогда.

15. Конкретные сведения об административной и хозяйственной организации Аррапхи, типичной для зоны предгорий рассматриваемой эпохи, дают картину соподчинения общин. Автор приводит определение башенного жилого комплекса - димту, как наиболее популярного обиталища большой семьи, и дает список укрепленных большесемейных селений Аррапхи (алани и димати). Материалы списка, впервые составленного автором, позволяют утверждать, что большесемейные общины составляли базу экономики аррапхского государства.

Взаимоотношения таких организаций с царским хозяйством строятся по принципу координации раздельно существующих ведомств. Опубликованный В.Майером документ Британского музея 13155, так же как расписка из эрмитажной коллекции ПАС, I, 3, фиксируют возврат общинами ячменя, занятого в царском хозяйстве. Масштабы займа димту: 137, 110, 220 имеров (более 8 т) по сравнению с талу (37 имеров) свидетельствуют о значительных размерах большесемейных общин, превосходящих простые селения. Анализ этих документов показывает, что в них речь идет о районе расположения родовых владений династов (см. раздел 37), помогавших общинам зерновыми ссудами как своим соседям.

16. Акт N XIII 363, касающийся передачи общины Шелвихе царевичу (№ 77 списка), дает представление как о примерном составе и объеме хозяйства отдельного димту, так и о последовательности развития закладной практики, начинающейся с передачи построек и затем распространяющейся на пахотные угодья.

В начале акта приведен перечень 17 наделов индивидуальных семей, составлявших общину. В большесемейных общинах земли распределялись "по силам" каждой семьи, т.е. по количеству работников, способных вести хозяйство. Идеальная доля на одного работника, по наблюдениям автора, составляла 1 имер земли, не считая доли в неразделенном фонде.

Видимо, когда сложилось определение площади полей по расходу

посевного зерна, на 1 имер площади шло столько зерна, сколько мог поднять осел (имеру). Однако из тех данных, которыми мы располагаем в Нузе, на 20 имеров площади расходовалось 36 имеров ячменя (N XV 233). При расчете трат хозяйства автором принята эта последняя норма. Списки актов N XVI 123 и N XV 231 отмечают урожайность разных полей, которая по большей части приближается к норме сам 5 (для ячменя - наиболее распространенной культуры; для полбы немного выше, для пшеницы вдвое ниже). Исходя из этих сведений, в разделе дан расчет прихода и расхода зерна в индивидуальной семье (средней и состоятельной) и в большесемейной общине. При двух урожаях (в середине года: шехли Тешуба и Нергала, и в конце года: куриллу) на минимальном наделе, составляющем 1 имер земли на одного работника, можно было собрать 10 имеров ячменя. Из них 3 имера 60 ка следовало отложить на два посева, остальное полностью уходило на еду бездетной паре (30 ка для взрослого мужчины и 20 ка для женщины - итого половина имера в месяц). Подростку полагалось в месяц 10 ка. Тем самым, ясно, почему детей с 5 лет отдавали в помощники ткачам - они должны были сами заработать себе на пропитание.

Состоятельное хозяйство ростовщика АгибТиллы сына Хашуара, кроме брата хозяина и двоих сыновей-подростков, имеет 4 рабов и 2 рабынь. Располагая площадью полей в 40 имеров, АгибТилла держит три пары пахотных волов и, справившись с посевом, нанимает для уборки урожая 12 жнецов. Один урожай со своих полей АгибТилла полностью тратит на посевы, корм скоту и содержание семьи и рабов. Второй урожай лежит в закромах и отчасти расходует на зерновые ссуды, с условием отработки процентов долга на уборке урожая в хозяйстве кредитора.

Большесемейная община Шелвихе имела достаточно рук при сборе урожая, но, едва справляясь с обеспечением еды для людей, не имела средств для содержания рабочего скота и вынуждена была нанимать волов (не более одной пары, хотя площадь ее полей составляла 62 имера). Видимо, воны использовались только на общем поле (22 имера), урожай с которого обеспечивал общину посевным зерном. Индивидуальные наделы обрабатывались руками сидевших на них 17 семей. Десять семей общины имели по одному работнику, четыре

семьи имели по два-три работника и три семьи по 6-7 работников. В общей сложности семнадцать семей насчитывали более сорока взрослых трудоспособных мужчин. Считая на каждого из них по четыре иждивенца (стариков, детей и женщин), автор получает примерную цифру членов большой семьи Шелвихе в 160-200 человек. Индивидуальные семьи беженцев, поименно перечисленные в дворцовых документах, состояли обычно из 4-8 человек, следовательно предложенный подсчет населения названной общины скорее занижен.

17. Письменной практике частноправовых актов Аррапхи, несомненно, предшествовала и сопутствовала устная договорная практика, связь с которой живо ощущается в подвижности формуляра актов. Введение в акты дополнительных формул, защищающих права кредитора, часто легко объяснить конфликтами, засвидетельствованными судебным процессом по поводу тех же моментов. Мы, как правило, располагаем только архивами крупных кредиторов, создающими одностороннюю информацию. Свидетельства проигравшей в процессах остаются вне поля нашего зрения. Тем не менее, и эти архивы позволяют наблюдать развитие конфликтных ситуаций, отмечая сопротивление общинников ростовщикам.

18. При разборе документа N X, 103, касающегося передачи поля в залог, обнаруживается практика периодических переделов земель внутри домашней общины, которая, очевидно, при отсутствии специальной ограничительной формулы распространялась и на выделенный участок. Отмечается особое положение участка, предназначенного для обеспечения культа домашних богов и предков; устанавливается величина этого культового отрезка, составляющего десятую часть поля, и отмечается порядок выделения его из владений целой общины (до жеребьевки, по выбору главы семьи).

Участок, переданный исполнителю общественной службы, может оказаться объектом отчуждения его за долги, поскольку частный характер присвоения продукции, обеспечивающей службу, оборачивается правом частного распоряжения служебной землей. Конфликтная ситуация вполне осознается, судя по процессуальным актам, содержащим требования о возвращении таких земель.

Прямым указанием на выдел участка из коллективного фонда общины является присутствие среди свидетелей сделок так называемых

мых мушелву, "заставляющих обойти (поле)". Мушелву всегда несколько человек, иногда до девяти однообщинников - принимают участие в обходе передаваемого участка. Количество этих людей не соотнобразуется с размерами участка, отмечая лишь число совладельцев поля, из которого он выделяется.

19. Три связанные между собой акта: JEM 382, 392 и 530, показывают положение индивидуального владения в домашней общине. Здесь же приведены материалы относительно взаимной ответственности общинников за долги - характерный для этого института аспект солидарности ее членов. Доля общинника во владениях организации представляет идеальную часть поля и построек.

В Аррапхе глава домашней общины (и любой ее член) мог передать кредитору свою долю через его усыновление, т.е. фиктивное принятие в общину; или, напротив того, отделить свои владения от общинных с передачей их во временное пользование кредитора в форме залога (в счет процентов по займу с обязательством вернуть основную сумму к сроку платежа). В таком случае, разумеется, определялась не идеальная, а конкретная доля.

Крупнейшие домашние общины, по наблюдениям автора, представляли так называемые "гнезда", которые соединяли в себе как дочерние организации, так и добровольно присоединившиеся к ним. Данные фольклора, привлеченные автором, отмечают такие "гнезда" как управляющиеся старшим братом. Это обстоятельство объясняет появление в Аррапхе актов передачи недвижимости через принятие кредитора в "братство" (не в сыновья, как обычно). Одна из пословиц шумеро-аккадского сборника подчеркивает неизбежность солидарности в такой организации: "Дружба - дни; "гнездо" - вечность".

20. Анализ родственных связей контрагентов и свидетелей по трем документам, рассмотренным в предыдущем разделе, позволяет установить порядок представительства в органах общинного самоуправления на двух уровнях: местной городской общины (Абена) и центра военного округа (Нуза).

Глава домашней общины отвечал по обязательствам некредитоспособных членов своей организации, поэтому в случае своей неплатежеспособности он мог быть устранен. Подробно этот вопрос комментируется при рассмотрении дела об избрании округой боевой

башни Киссук нового главы домашней общины. Девять селений укрепленного комплекса Киссук отвергли Вандари - наследника человека, поставленного над ними царем, и присягнули КелТешубу сыну Худии - одному из преуспевающих людей из своей среды. Сторонники нового главы общины определены в деле как "признающие его" (муду), за отсутствием таковых у Вандари - прежнего главы, он был смещен. Привлечение пословиц и поговорок, упоминающих категорию людей муду, показывают, что это круг общинников, примыкающий к собственным родичам, составляющим ядро домашней общины. Судя по результатам отказа в признании притязаний Вандари, речь идет не о "друзьях", в нашем понимании, а о конкретном круге людей, способных отстранить военачальника: скорее всего о дружине из состава соседской общины.

21. Вопросы координации общинного самоуправления с царем затрагивают проблему соотношения разных уровней межобщинных институтов, которые складывались в государственные органы власти, обеспечивающие закрепление классовой стратификации общества. Наиболее полномочным высшим судебным органом было народное собрание. В случае конфликта нижестоящий общинный суд мог обратиться либо к народному собранию, либо к ордали (божьему суду), либо к царю. Угроза ордали влекла за собой немедленный отказ от иска. Царь мог решить дело сам, либо передать его на рассмотрение народного собрания заинтересованных поселений. На должность главы общинного самоуправления, шакин мāti, выбирался человек из хозяев башен (эври или белē димāti). Гарантией авторитета самих этих организаций и, соответственно, народного собрания было существование их как коллективов земельных собственников. Полного противостояния царской власти общинным властям не наблюдается, члены царской семьи включаются в работу общинного суда, выступают как авторитетные лица в кругу старейшин при подтверждении частных сделок (в частности, передач недвижимости). Царевичи появляются и в воинских списках - в ряду колесничих. Все родичи династии обозначены в текстах как "сыновья царя", хотя среди них есть и братья его и родственники других степеней родства. Видимо, все вместе они пользуются особым положением в обществе (как "сын того-то города" означает принадлежность человека к гражданскому

коллективу, обладающему определенным статусом в целом).

Одной из привилегий людей и родичей династии было их право на получение продовольствия и шерсти из дворца - страхового и престижного фонда государства. Однако это снабжение царской семьи было лимитировано, судя по тому, что они были обязаны возвращать свои долги дворцу.

Граждане союзных с Аррапхой городов имели в ней правовую защиту, так же как ее имели аррапхиты вне своей страны в других союзных городах (AT 50 и 82, JEN 347).

22. Роль царя в системе самозащиты государства и вопросы обеспечения войска даны по материалам дворцовых архивов Нузы.

Предварительно рассматривается главный аспект жизни сельскохозяйственной округи города - водоснабжение. Акт N ХV 128 в предложенном автором чтении и толковании раскрывает взаимоотношения общин с центральным ведомством. Это перечень тридцати общин, составленный на предмет изъятия у каждой из них во дворец по одному индивидуальному наделу, размером в 1 имер земли. Все тридцать селений акта представляют округу одного города, поскольку все они получили воду через одного градоначальника. Общины сгруппированы по десяткам. В подбитом итоге все тридцать селений названы термином димāti - "башни", который в данном случае используется по второму его значению - "(большесемейная) община", судя по тому, что в самом тексте перечня эти же селения названы по-разному: среди них есть открытые поселения, āлу; башни открытых поселений - димту, принадлежащие āлу, и, наконец, собственно димту - башни. Перечень включает значительные селения, одно из них принадлежало Энамади - старшему сыну ТехибТиллы, начальника военного округа; другое - царевне ШуварХебе, сестре царевича ШилвиТешуба. Владения последней охватывали, согласно другому документу, 180 имеров пахотных угодий (N ХIII, 417). Каждая из этих общин, однако, выделяет дворцу за право орошения всего по одной индивидуальной доле. По всей видимости, с них брали урожай, адекватный доле, собираемой с такого участка, но само поле продолжали обрабатывать общинники. Сохранились акты поставок зерна во дворец общинами, названными в списке.

23. Ядро армии Аррапхи, по наблюдениям автора, набиралось из

обитателей укрепленных большесемейных селений во главе с вождем, признанным ими самими. Особой постоянной армии страна не имела. Ополченцев призывали по принадлежности к территориальным общинам, которые сами снабжали их продовольствием. Существенно упоминание в мобилизационных списках людей без указания их личных имен (сыновья или братья такого-то из такой-то общины). Такого рода особенности списков характерны не только для Аррапхи. Известны они и в Угарите, где засвидетельствованы и димту (угар. гт), большесемейные укрепленные селения. В тексте подробно анализируется мобилизационный список, изданный Е.Кассэн (RA 56, 1962, 2 стр. 65 сл. № 6), в котором издательница не обратила внимания на безымянность представителей домашней общины, выставлявшей в армию конкретных людей, но, очевидно, по собственному выбору. Во главе рассмотренного списка названы градоначальник и царевич, видимо, командующие всей группой. Большесемейные общины, по наблюдениям автора, насчитывали до полусотни взрослых мужчин, способных носить оружие, но, как правило, выставляли 1-2 воинов. В случае обострения политической обстановки они выдвигали от каждой семьи до 15 человек ("братьев").

24. Взаимоотношения обитателей большесемейных укрепленных селений с градоначальником центра округа дает указ N XV, 1 (чтение и толкование текста введено в науку автором). В районе, подвергшемся нападению врагов, наводится порядок с целью защитить жителей его от грабежей и угона в плен с последующей продажей в рабство за пределы страны. Попутно определяются и судьбы беженцев, в особенности долговых рабов. Текст раскрывает субординацию властей: градоначальник (хазанну) принимает на себя заботу об округе и городе, с крепостями, стоящими в степи; представители большесемейных общин, составляя совет старейшин, выдвигают арбитра - шакин мѣти, главу общинного самоуправления. Последний держит связь с градоначальником.

Для представления о структуре государства Аррапхи приводится сравнение ее с более поздними порядками. Обязанности градоначальника, хазанну, в ассирийской державе перейдут в руки царского чиновника, бѣл пехате, и самый термин хазанну исчезнет из употребления, в ознаменование полного разрыва с системой общинного

устройства, характерной для II тыс. до н.э. Точно также трансформируется и должность шакин мѣти - старейшины будут непричастны к избранию этого должностного лица, уже не делегируемого главами башен, значительных большесемейных организаций, а назначаемого самим царем.

Глава общинного самоуправления оказывается опорой для царских чиновников, судя и по письму N XIV, 14, касающемуся водворения верховного жреца и царского вестника (суккаллу) в Абену (видимо, в связи с размещением в округе города митаннийских колесничих - см. раздел 8). Охрана этих двоих царских представителей поручена десятнику всадников (раб эшри), но действовать этот последний должен через шакин мѣти, находящегося в Еиззе, привлекая обитателей лояльных крепостей.

25. Меморандум Такку, внука ТехибТиллы, представляет список беженцев и попавших в полон с указанием их нынешнего местонахождения. Составлен он, очевидно, в исполнение распоряжений указа N XV, 1. Акт N XVI 328 дает перечень имен представителей власти тех самых селений, которые перечислены в меморандуме как укрывающие беженцев и пленных. В нем перечислены хозяева башен - укрепленных селений (бѣл димѣти указа) и градоначальники; во главе списка, как нам представляется, назван глава самоуправления (шакин мѣти) и судья, которым, видимо, и должны были вручить меморандум с требованием о возврате людей. Акт N XVI 328 найден в архиве тех царевичей, которые постоянно упоминаются в царской свите и при переговорах с врагами. Меморандум составлен внуком ТехибТиллы, очевидно, по той причине, что в этом вражеском рейде более всего пострадали владения семьи ТехибТиллы - потомков скупщика общинных земель. Внимательная организация защиты этих владений иллюстрирует личную заинтересованность царя в поддержке этой семьи.

26. Подводя итоги материалам главы, автор отмечает, что войско Аррапхи еще не было силой, противопоставленной народу, как по причине особенностей его формирования, так и в связи с отсутствием системы поборов. Последние изымались не впрок, а лишь по мере надобности в конкретных обстоятельствах и постольку, поскольку услуги фиска касались данной общины. Все вместе типично

для формирующегося государственного строя, восходящего к институтам, спонтанно возникшим в глубокой древности.

Обычно предполагается, что доминирующей чертой города-государства, типичного для эпохи бронзы, было существование централизованного царского или храмового хозяйства. В действительности же в основе общественного устройства этих образований лежала самоуправляющаяся община, и власть над нею царя проявлялась лишь в острые моменты. Территориальные захваты царя утесняли общинные институты, но не ликвидировали их. Благодаря регламентации хозяйственной и общественной жизни общин существующая социальная система была значительным тормозом в развитии городов-государств и вместе с тем обеспечивала стабильность их экономики.

У. Глава пятая - "Динамика общественно-экономического развития Аррапхи" - включает тринадцать разделов (27-39), дающих представление о функционировании изучаемой системы, характеризуя положение общин в критической фазе развития экономики и в период стабилизации.

27. Ключевые тексты главы отобраны с целью показать влияние критической ситуации на жизнь ц е л ы х о б щ и н, а не индивидуальных хозяйств. Свидетельства мобилизации владений целой общины в частноправовых документах единичны, и это само по себе отмечает стойкость рассматриваемой организации. Вместе с тем, вовлечение в оборот земель крупных большесемейных организаций симптоматично и говорит о значительном потрясении экономики. Тексты, избранные как ключевые, четко разделены между собой хронологически, благодаря этому обстоятельству они используются автором как вехи на больших временных отрезках. Соотнесение связанных с этими актами документов организует материал под новым углом зрения, позволяя проникнуть в механизм возникновения и ликвидации конфликтных ситуаций.

28. Самый ранний акт относительно недвижимости, JEN 552, представляет сделку именно того типа, который избран автором как ключевой. Это передача ста имеров садовых полей (эквивалент более ста индивидуальных полевых участков!), принадлежащих одной общине. Земли переданы Пухишени, отцу ТехибТиллы, взамен 1 минны золота (0,5 кг), пущенного в рост. Анализ списка свидетелей сдел-

ки, в числе которых названы: градоначальник, представитель двorca, корабельщик, наводит на мысль, что это заем для взноса в к а з н у от все й общины. Причиной накопления неоплаченных взносов общины, вероятно, была длительная засуха, отмечающаяся в актах Аррапхи. Садоводы, во всяком случае, платили в казну "деньгами": известен взнос садовода оловом и продажа крупной партии гранатов за олово, обращавшееся за Тигром в качестве платежного средства.

По договору с Пухишени земли общины при неуплате долга поступали в распоряжение Виннирке, жены Пухишени, и ее детей. Документы Виннирке на недвижимость оформлены уже через принятие ее в круг сыновей должников. Это все сводные акты (JEN 82, 560-562). Крупнейший из них перечисляет более 60 участников передач. Каждый из прежних хозяев земель и построек, передаваемых Виннирке, несмотря на разные размеры участков, получает от нее равное вознаграждение, составляющее 1 мину серебра.

В отличие от первого акта, составленного на имя мужа Виннирке, здесь участки имеют размеры, характерные для владений индивидуальных семей. Равная плата делает очевидным, что эти сводные акты Виннирке перечисляют членов о д н о й общины. Уравнительное распределение характерно для большесемейных коллективов в тех случаях, когда они отвечают по общим обязательствам. Если речь идет о той самой общине, которая брала у Пухишени процентную ссуду золотом, то на этот раз она передает свои пахотные земли и постройки без сада. Так или иначе, углубление критической ситуации здесь несомненно. Только неблагоприятная рыночная конъюнктура дает такие формы мобилизации недвижимости. В натуральном хозяйстве они невозможны. Следовательно, здесь мы имеем пример связи с рынком целой общины на чем бы ни специализировалось это хозяйство.

29. Систематизация 143 актов относительно недвижимости, имеющихся в архиве старшего сына Виннирке и Пухишени, ТехибТиллы - начальника военного округа, отмечает мобилизацию более всего индивидуальных наделов размером в 1-2 имера. Значительный процент повинностных земель среди передаваемых участков (треть) обнаруживает, что пострадали преимущественно те из общинников, которые

обеспечивали работу этих организаций на государство. Возмещение за передачу наделов ТехибТилле чаще всего идет зерном, в размере двух урожаев, т.е. годового сбора с поля. Это бесспорное доказательство острой критической ситуации. Связь этих хозяйств с рынком очевидна по возникновению возмещений медью и оловом, которые за Тигром использовались как "деньги". Безвозмездные передачи ТехибТилле земель, несомненно, объясняются поисками патрона. Не случайно и всякое возмещение за недвижимость не называют платой, а только "подарком".

Два акта касаются крупных площадей земли, сопоставимых с упомянутыми в первом документе (JEN 552). Один из этих двух актов представляет итог стягания земель из общины Пиршанни (JEN 641). В общей сложности у пиршанцев было отторгнуто 104 имера с лишним. Имена некоторых хозяев в сводке повторяются. Этим, очевидно, отмечается ряд последовательных сделок с кредитором, вновь и вновь совершаемых ввиду углубления несостоятельности должников: так, Элхибшарри сын Турру назван трижды отдельно (с разным количеством земель) и дважды с совладельцами. Само укрепленное жилище (башня) пиршанцев также отошло ТехибТилле и было переименовано в "димту ТехибТиллы, пиршанское". Дальнейший анализ документов относительно сделок пиршанцев позволяет предположительно определить промысел, которым они занимались (выращивание особой породы ослов - главного транспортного средства предгорий). Этот промысел поддерживал торговлю на юг вдоль предгорий Загра и на запад по предгорьям Тавра.

Пиршанцы в самом начале кризиса попытались избавиться от повинностной службы, связывавшей общину с Абеной - центром разведения ослов в Аррапхе (функция этого города аналогична Дамаску, старое хурритское название которого то же самое - Абе/Убе мн.ч. Абена; пишется также идеограммой "осел"). Эта попытка подтверждает, что критическое состояние экономики осложнялось прежде всего обязательствами по отношению к центральным властям. В связи с тем, что владения этой общины целиком перешли в руки одного кредитора, его потянуло к дальнейшему восстанавливать повинностный фонд земель этой общины, чтобы иметь возможность избавиться от обязанностей, закрепленных за пиршанцами (JEN 112).

30. Исполнение общественных повинностей, объединенных термином илку, является моментом, связывающим общины с центральной властью. Несмотря на это в частных актах вопрос об этих обязанностях решается произвольно. Как правило, илку закреплялась за прежним владельцем земли. Хотя иски часто подаются на том основании, что истец несет илку, общинный суд считается лишь с договором и фактом признания сделки главой домашней общины (эври). Последний должен был обеспечить выполнение общиной всех ее обязательств и, видимо, суд оставлял на его усмотрение решить, каким образом он это сделает.

Отделение прав на землю от обязанностей, связанных с обладанием ею, характерно, по наблюдениям автора, для критической ситуации. В период стабилизации возникла волна судебных процессов о возврате земель прежним владельцам. Материалы дела Кавинни, сына Хулукки, собранные автором, дают представление о приемах борьбы общинников за восстановление своих прав, с характерными попытками использовать со своей стороны практику фиктивных усыновлений. Кавинни использует и особое положение "обетных земель". Урожай с надела, подлежащий передаче кредитору, удержан сыновьями и братом Кавинни на основании того, что поле было обетным. Старейшины вынуждены отступить от правил возмещения урожая с задержанного участка кредитору и разрешить Кавинни сыпать урожай в общественные закрома главного города страны к празднику Тешуба - бога покровителя царской династии. Тем самым, определяется значение общественных платежей как вида сборов, имеющих приоритет перед правами кредитора. Не случайно и самый мораторий долгов связывается именно с праздничными днями.

Другой вид общественной повинности - несение воинской службы, судя по делу общины Киссук (раздел 20), закреплялся за группой селений, объединившихся с крупнейшей из большесемейных общин, расположенной по соседству. Общины сами снабжали воинов пропитанием и фуражом. Экипировка войска также в значительной степени обеспечивалась общинами, в том числе изготовлением колесниц. Долговые обязательства, разумеется, осложняли материальное обеспечение войска, и уже тем самым общинники в военное время могли надеяться на царский указ о моратории частных долгов.

31. Отмечающиеся в документах многосторонние родовые связи контрагентов доказываются тем, что они могли распоряжаться имуществом в разных домашних общинах. В связи с этим были возможны перемещения людей, которые, утратив земли в одной организации, могли перейти в другую, если не хотели или не могли остаться на своих местах в подчинении новому хозяину.

32. Благодаря тому, что несение любой общественной службы и, в частности, воинской, закреплялось за общиной в целом, сохранение ее как организации, очевидно, гарантировало гражданские права ее членов, по идее неразрывно связанные с обязанностями. В этом стимуле - сохранить общину - находят объяснение акты наиболее загадочных сделок - дарственных.

В числе актов, в первую очередь интересующих автора в этой главе, а именно определяющих разом судьбу целой общины, есть одна дарственная: община Кибитешуба передает в подарок ТехибТилле 105 имеров своей земли (JEN 493). Кроме этого акта есть десяток документов различного рода передач индивидуальных наделов из этой общины, но они и в совокупности даже отдаленно не приближаются к масштабам упомянутой дарственной. Вместе с тем, община продолжала существовать как единое целое и в следующих поколениях.

Автор предполагает, что смысл этой дарственной заключался в приобретении патрона, который мог общину поддержать, а тем самым и помочь ей уцелеть. В результате дарственной одаряемый, по всей видимости, получал общину в личное распоряжение, но его потомкам она не передавалась. Все иски относительно земель, возникающие при наследниках кредитора, касаются фиктивных усыновлений. Дарственные не имеют таких последствий. Дарственные, вместе с тем, несомненно не являются результатом погашения платежей кредитору, как предполагалось в науке, т.к. в этих текстах, как правило, указывается, что по своим долгам община должна расплачиваться самостоятельно. Повинностная служба также остается за общиной дарителя.

33. Последствия царских мораториев долга определяют возможности административных методов регулирования общественного обмена.

Более полусотни сделок, оформленных, против обыкновения, без привлечения свидетелей, с участием одних и тех же трех должност-

ных лиц: царского вестника и начальников военных округов или вместо последних - царевича и главы пастушеской общины аннулируют последствия моратория долгов, связанного с засухой. Контрагенты ТехибТиллы по этим сделкам относятся к кругу уважаемых граждан, не только судя по тому, что они неоднократно появляются в других его документах в качестве свидетелей. Один из них имел собственный архив, будучи преуспевающим соседом царевичей (Аккуйа сын Кадири); печатью другого - Пирума сына Наишкелба, пользовался известный писец. Пирум появляется среди свидетелей ТехибТиллы 120 раз. Автор предполагает, что он входил в состав старейшин Нузы. Акты, заверенные тройкой, отмечают высшую точку развития критической ситуации, развивающейся своим путем.

34. Акт JEN 662, приведенный в изложении, прямо отмечает насильственный характер изъятия земель кредитором и дальнейшее удержание этих земель силой. Стабилизация обстановки сопровождается появлением случаев самовольного возвращения себе земель, переданных прежде кредитору.

Серия меновых операций кредитора после его усыновления должниками предпринимались, несомненно, с тем, чтобы избавиться от контактов с ущемленной общиной и втянуть в дело как можно более значительное количество лиц, заинтересованных в сохранении полученных от нового владельца чужих участков. Первоначальная несоразмерность возмещения за ссуду вполне осознавалась обеими сторонами, и кредитору была ясна опасность преследования его сонаследниками должников. Факт активного сопротивления граждан практике ростовщиков очевиден из угроз суда, изредка предполагающих и членовредительство (забивание в рот кола, ослепление - см. приложение). Такие меры нужны только там, где нет уверенности в безропотном принятии судебного решения.

35. Сопротивление среды ростовщичеству, по всей видимости, и было причиной вытеснения из практики аррапхитов передач недвижимости через фиктивное усыновление и расширения практики залогов, предполагающих временную передачу недвижимости кредитору (до возвращения должником основной суммы долга). Практика залога недвижимости взамен необратимой передачи через усыновление кредитора свидетельствует о стабилизации кредита на внутреннем

рынке. Такой заем мог погасить любой состоятельный член общины, в крайнем случае можно было и передать сделку в руки патрона, устранив первоначального кредитора.

36. В архиве представителя третьего поколения аррапхитов, царевича ШилвиТешуба, также всего два акта, определяющих судьбу целых общин. Один из них, акт N XIII 172, представляет итог сделок некоего УрхиЗиззы, объединенных, по мнению автора, в связи с передачей этих владений царевичу как патрону. В документе отмечен факт изъятия по фиктивному усыновлению 13 имеров земель и передачи в залог 41 имера полей. В целом это площадь земель, примерно сходная с владениями общины Шелвихе. Для практики ШилвиТешуба усыновления не типичны. Он выдает ссуды трех степеней: беспроцентные, под процент и под залог недвижимости.

Второй значительный акт передачи недвижимости царевичу ШилвиТешубу, N XIII 363, использованный автором при описании отдельной большесемейной общины, димту (см. раздел 16), здесь дан в тексте полностью и разобран с точки зрения того, как он оформлен. Составлен акт от имени прежнего хозяина общины Шелвихе, ШургиТиллы сына Агибташени. Это значительная фигура: он был судьей, распоряжался дворцовыми колесницами, выступал среди свидетелей передачи укреплений общины Киссук КелТешубу (см. раздел 20). Передача владений общины Шелвихе была бесспорным следствием ее банкротства: почти все хозяйственные постройки и самая жилая башня были "обмеряны за долги", как сказано в документе.

Передача общины Шелвихе, возглавлявшейся ШургиТиллой, состоялась через дворец Нузы. Акт оформлен с привлечением четверых должностных лиц (сассукку), ведавших кадастровыми записями: двоих от Нузы и двоих от Зиззы, где находились поля общины. Присутствие при оформлении акта сассукку предполагает, видимо, что община Шелвихе задолжала к а з н е (ср. раздел 10); эти долги отмечены в акте как "долги гумна общины".

37. В списке домашних общин Аррапхи упомянуты димту ткачей, гончаров и торговцев (раздел 15); текст о рейде эламского царя ШилхакиНшушинака через Аррапху (XIII в. до н.э.) обнаружил существование двух других большесемейных ремесленных поселений (биту) кузнецов и плотников (*Dél. en Perse* XI, p. 42).

Существование специализированной торговой общины — это свидетельство разобщенности промыслов и проблематичности их связей с рынком, но, вместе с тем, и доказательство наличия устойчивого межобщинного разделения труда. Форма организации торговцев отмечает принадлежность специализации общинному, децентрализованному сектору экономики. По всей видимости, отдельные члены этой организации выступали и в качестве дворцовых служащих разных городов Аррапхи, точно так же, как обитатели профессионального поселка писцов. Потомки царского писца АпалСина появляются в разных городах Аррапхи, один из них, ТармиТешуб, праправнук АпалСина, числится среди троих писцов, "рабов", нузийского дворца; он получает, как все остальные ремесленники и служащие этого хозяйства, на месяц 20 ка ячменя (15 л) — содержание очень скудное и рассчитанное на него одного, без учета его семьи. В этом же списке, N XIV 593, числятся трое купцов, трое кузнецов, трое плотников, 24 ткача (во главе списка) и прочие служащие — все за работу на дворец получают содержание лично для себя без учета их семей, следовательно, имеют хозяйства вне дворца. Порядок обеспечения семей ремесленников раскрывает сведения о гончарах; их община наиболее обстоятельно документирована.

Гончары вели свое собственное зерновое хозяйство, получая от царевича ссуды зерна и пользуясь лошадьми его как патрона. Часть своих долгов царевичу ШилвиТешубу они отрабатывали, изготавливая одежду для его слуг, — тем самым, очевидно, имели свой домашний ткацкий промысел, обеспечивавший общину повседневной одеждой.

Займы на посев и наем рабочего скота, а иногда и на еду гончары и другие общины делают коллективно и расплачиваются по этим долгам сообща. В тяжелые годы, во всяком случае, обработка полей, посев и еда обеспечивалась в больших семьях совместно. Это добровольное объединение индивидуальных семей — не обязательное, судя по тому, что отмечаются и займы отдельных лиц, по которым должник отвечает имуществом и свободой членов своей собственной семьи. Следовательно, большесемейные общины этого времени представляли коллектив собственников, а не коллективного собственника.

Характерен договор общины гончаров с рабом соседей царевичей о передаче на попечение гончаров хозяйства этого раба, включая поля, скот и постройки. Община выступает как единое целое, заключая договор от имени своих представителей, но заверяет их договор царевич, их патрон, а не эти представители общины.

Поддержку патронируемых им общин царевич осуществляет в форме ссуд зерном - беспроцентных или под процент до урожая; в некоторых случаях из года в год до наступления благоприятного сезона. Востребование царевичем долгов (за посев и наем волов), накопившихся в течение пяти лет, с общин пастухов, ткачей и третьей неотождествленной (Н ХVI 46), видимо, привело к изъятию у пастухов 1560 овец (Н ХVI 287), а у ткачей 1388 одежд (Н ХVI 338).

38. Существование специализированного хозяйства в форме большесемейных общин показательно. Этот тип хозяйственной организации, по наблюдениям автора, особенно характерен для периодов длительного неблагополучия в общественном обмене. Признаком повсеместного неблагополучия является распространенное в это время передвижение беженцев, хапир, покидавших старые центры цивилизаций и устремлявшихся в новые страны в поисках пропитания для своих семей. Пословицы отмечают это массовое бродяжничество как смелый выход из бедственного состояния. Среди хапир встречаются и ремесленники, и воины. В Аррапхе их обращают в рабов в крупных частных хозяйствах (архив Техиотиллы); в хеттском царстве их сажали на государственные земли, усиливая тем самым централизованный сектор экономики; в Сирии из беженцев хапир было создано своеобразное государство беглой вольницы - Амурру.

39. Подводя итог двум последним главам, автор утверждает, что в Аррапхе внедворцовый, общинный, сектор экономики обладал большим запасом прочности, хотя наблюдаются и элементы распада под влиянием потрясений кредита. Слабым звеном общинного строя являются внешние связи, поэтому он устойчивее всего сохраняется в условиях самоизоляции. Строгая всесторонняя регламентация жизни внутри общины, характерная для самодовлеющей нижней ячейки этого строя, большесемейной общины, на уровне межобщинной кооперации заметно ослабляется.

Всякая специализированная община - это продукт развития

межобщинных связей через рынок. Поскольку связь ее с рынком не гарантирована, постольку каждая из этих общин вынуждена иметь также хозяйство, обеспечивающее ее прожиточным минимумом: не только продовольствием, но и повседневной одеждой. Узость внутреннего рынка создает зависимость специализированных общин от поддержки патрона - поддержки не второстепенными, а жизненно важными статьями: продовольствием, посевным зерном, рабочим скотом. Таким образом, слабое развитие рынка ставит специализированную общину в положение граждански неполноценной, тем самым технологическое деление общин идет с элементами классового образования.

Государственные хозяйства дворцово-храмовых комплексов II тыс. до н.э. сохраняли значение оси общественного кредита - кризис начинался с платежей общинников именно сюда, в этот страховой и престижный фонд. Вместе с тем, они не работали на рынок, будучи в принципе автаркичными. В этом новая черта рассматриваемого периода, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, отмечавшим иное положение дел в предшествующем тысячелетии (ср. разделы 10 и 36). Дворцовый фонд становится сокровищницей, теряя обратную связь с общинами. Функция поддержки общин переходит в руки частных лиц, включая династов, выступающих в роли частных кредиторов. Дворцовое хозяйство сохраняет связь избирательно со специализированными общинами, представители которых за работу на дворец получают продовольственные раздачи, достаточные только для самих работающих, без учета их семей. Обеспечение последних идет за счет собственного хозяйства специализированных общин и поддержки патрона.

Характерен лимит специализации, существовавшей в форме большесемейных общин: они единичны на всю страну по каждой профессии (одна община гончаров, одна община ткачей, одна плотничья, одна кузнецкая, одна пастушеская). Индивидуальная ремесленная специализация отмечается, но, само собой разумеется, она не могла конкурировать с профессиональными общинами, из которых каждая насчитывала до 200 человек и которых к тому же поддерживало дворцовое хозяйство и патроны. Во дворце, очевидно, работали лучшие из об-

щинных ремесленников, поскольку это занятие, несомненно, было не только подспорным, но и престижным. Большесемейная организация, гарантируя профессиональную специализацию своих членов и прожиточный их минимум, была тормозом в развитии технологической и классовой стратификации общества в целом, а следовательно в конечном счете задерживала и развитие рынка.

40. В заключении отмечаются выводы по основным положениям исследования.

Материалы архивов Каниша дают конкретную картину форм обширной международной торговли, органически срастающейся с ремеслами. Расцвет ее падает на время после падения III династии Ура — одной из наиболее упорядоченных деспотий Двуречья, оказывавшей заметное влияние на многие страны Передней Азии. Канишский период — это время разобщенности городов-государств.

Архивы Аррапхи освещают состояние общественного обмена в то время, когда Передняя Азия была поделена между тремя державами: хеттской, хурритской (Митанни) и касситской, теснившими торгово-ремесленные центры. Последние пытались бороться с влиянием этих держав, консолидируясь со своей стороны в оборонительные союзы. В этот период отмечается угнетение рынка и обособление торговли и ремесел, организованных в большесемейные общины, обеспечивающиеся **р а з д е л ь н о**.

Как те, так и другие архивы показывают, что децентрализованный сектор экономики сохранял традиционную организацию общин, которая регламентировала отношения как в торговле, так и в ремеслах, оставаясь главным источником фондов специализированного промысла. Представление о том, что накопления дворцово-храмовых хозяйств были основным источником средств международной торговли, не соответствует действительности. Напротив того, дворцово-храмовые хозяйства **п о г л о щ а л и** порядочный процент "денег" и товаров, обращавшихся в торговле, превращая их в мертвый капитал сокровищниц.

Соседско-родовая община, как известно, была в древности не только поземельной организацией, но и политической. Именно поэтому права кредитора требовалось подтверждать с привлечением главы общины через суд и фиксировать их **п и с ь м е н н о**, всесторонне определяя их защиту. Характерно, что наиболее почетное положе-

ние в обществе достигалось не служебной карьерой при царе, а вступлением в круг общинной элиты, представленной в органах самоуправления. Никакая профессия, какого бы высокого уровня искусства они ни требовала, будучи уделом дворцового человека, не спасала его от положения зависимого лица, которое документами классифицируется как рабское (варду). Потомки и челядь царской династии, вынужденные обитать во дворце, а не в своих имениях, определяются иначе, относясь к категории "людей дома" (нише'бйти), тем не менее, и эта категория лиц стояла ниже свободных общинников. Субординация среди родичей внутри домашней общины не влияла на их гражданский статус, в отличие от состояния человека, кормящегося службой. Вместе с тем, дворцовая служба и состояние дворцового человека коренным образом отличалось от положения частного раба, стоящего вне общества.

С обособлением функции управления экономикой через рынок возникали торговые объединения типа канишского, которые закрепляли межобщинные связи, разрабатывая их там, где они едва намечались, и усердно их эксплуатирова. В дальнейшем упрочившаяся экономическая общность была использована политическими объединениями типа державы ШамшиАдада I, которая представляла организацию по сбору дани для племени-гегемона. Политическая общность, таким образом, возникала как продолжение экономической взаимосвязи, а не наоборот.

Обращаясь к дальнейшим судьбам Передней Азии, в заключение стоит отметить, что процесс централизации шел хотя и скачками, но с неизменным нарастанием, несмотря на то, что представлял заведомо тупиковый путь развития. Как это ни парадоксально — в аспекте проделанного исследования — централизация поддерживалась именно **с н и з у**. С одной стороны, видимо, в результате стремления избавиться от засилья торговых посредников, баснословно наживавшихся на разобщенности промыслов; с другой стороны, несомненно, в результате потребности сбросить местные власти, оппозиция которых по отношению к народу особенно остро ощущалась в критические периоды (см. роль суда в Аррапхе). Попытки царей снять перенапряжение в обращении страны с помощью указов о мораториях долгов не имели и не могли иметь успеха просто потому, что эти

мероприятия не затрагивали причины нарушения равновесия в экономике. Стихийное же нарастание диспропорции отраслей производства очевидно из той громадной роли торговых посредников, которую обнаруживают сведения о них уже в начале III тыс. до н.э. Насильственное перераспределение благ, практиковавшееся державами середины II тыс. до н.э., явно не решало проблему, как показывает картина распространения в ремеслах архаических форм организации. Они сами по себе свидетельствуют о распаде общественных связей, который выливался в оскудение рынков.

х х
х

Основное содержание диссертации докладывалось:

- на заседаниях отдела Востока Государственного Эрмитажа,
- на V Международном конгрессе историков-экономистов,
- на XV Международном конгрессе востоковедов,
- на симпозиуме теоретического семинара ЛО института археологии АН СССР,
- на XI годичной сессии ЛО института востоковедения АН СССР,
- на всесоюзном симпозиуме института истории совместно с институтами археологии и этнографии АН СССР,

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. Вестник Древней Истории, 1, 1956, 19 с.
2. Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР. изд. Восточной литературы, Переднеазиатский сб.1, М., 1961, 129 с.
3. Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи. изд. Восточной литературы, доклады XXV МКВ, М. 1960, 12 с.
4. Шумерские и аккадские пословицы и поговорки. изд. Восточной литературы, "Пословицы и поговорки народов Востока", М., 1961, 3 с.
5. Новый среднеассирийский юридический документ собрания Государственного Эрмитажа. Вестник Древней Истории, 2, 1962, 3 с.

6. Общинное самоуправление в Угарите (гарантии и структура). Вестник Древней Истории, 3, 1963, 20 с.

7. Международное торговое объединение Каниша. Вестник Древней Истории, 4, 1965, 14 с.

8. Клинописные тексты из Коль-тепе в собраниях СССР, изд. "Наука", М., 1968, 306 с.

9. Частный кредит в торговле древней Передней Азии II тыс. до н.э., изд. "Наука", докл. V МКИЭ, М., 1970, 29 с.

10. Обмен и торговля в странах Передней Азии по клинописным источникам III - II тыс. до н.э. изд. "Наука", тезисы докл. теоретич. семинару ЛО ИА АН СССР, М., 1972, 5 с.

11. Частный кредит в торговле стран Западной Азии III - II тыс. до н.э., изд. АН Арм. ССР, "Древний Восток" 1, Ереван, 1973, 5 с.

12. Свидетели и договор в хурритской Аррапхе. изд. "Наука" тезисы докл. XI сессии ЛО ИВ АН СССР, М., 1976, 1 с.

13. Календарь хурритской Аррапхи. Вестник Древней Истории, 4, 1978, 8 с.

14. Царские братья в родословной хурритских династий Аррапхи. изд. "Аврора", сб. "Культура Востока" (древность и раннее средневековье), Л., 1978, 21 с.

15. Старый дворец потомков Амминайи и димту гончаров в Аррапхе. изд. АН Арм.ССР, сб. "Древний Восток", III, Ереван, 1978 12 с.

16. Сыновья царя и общинная администрация в хурритской Аррапхе XII в. до н.э. изд. "Наука", Переднеазиатский сборник III, М., 1979, 17 с.

17. Аррапха - убежище Шаттивасы сына Тушратты. Вестник Древней Истории, 1, 1979, 14 с.